

LIETUVOS TSR MOKSLŲ AKADEMIJA
ISTORIJOS INSTITUTAS
LIETUVOS TSR ISTORIJOS PROBLEMINĖ MOKSLINĖ TARYBA

LIETUVOS
ISTORIJOS
METRAŠTIS

1983 METAI

VILNIUS „MOKSLAS“ 1984

INSTITUTE OF HISTORY
OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE LITHUANIAN SSR
THE SCIENTIFIC PROBLEM BOARD
OF THE HISTORY OF THE LITHUANIAN SSR

THE YEAR-BOOK
OF LITHUANIAN
HISTORY

1983

VILNIUS

1984

INSTITUT FÜR GESCHICHTE
DER AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN DER LITAUISCHEN SSR
PROBLEMISCHER-WISSENSCHAFTLICHER RAT
FÜR GESCHICHTSFORSCHUNG DER LITAUISCHEN SSR

JAHRBUCH
FÜR LITAUISCHE
GESCHICHTE

1983

VILNIUS

1984

АКАДЕМИЯ НАУК ЛИТОВСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ПРОБЛЕМАМ ИСТОРИИ
ЛИТОВСКОЙ ССР

ЕЖЕГОДНИК
ИСТОРИИ
ЛИТВЫ
ГОД 1983

ВИЛЬНЮС «МОКСЛАС» 1984

63.3(2L)
Li237

Redakcinė kolegija:

Bronius VAITKEVICIUS (vyr. redaktorius), Alfonsas EIDINTAS, Mečislavas JUCAS, Vytautas MERKYS, Vacys MILIUS, Leonas MULEVICIUS, Rita STRAZDUNAITE (sekretorė), Tamara TARŠILOVA, Adolfas TAUTAVICIUS, Irena VALIKONYTE, Regina ŽEPKAITE (vyr. redaktoriaus pavaduotoja)

Išleista LTSR MA Istorijos instituto užsakymu

L 0505040000—129 ž-84
M854(08)—84

© LTSR MA Istorijos institutas, 1984

О КАНЦЕЛЯРСКОМ ЯЗЫКЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

АРКАДИИ ЖУРАВСКИЙ

Язык кириллической письменности, созданной в пределах Великого княжества Литовского в XIV—XVII вв., уже давно привлек внимание исследователей. Во второй половине XIX в. началась интенсивная деятельность по изданию старинных письменных памятников, главным образом актовых и канцелярских документов¹. Вслед за этим русские и польские филологи сделали ряд описаний белорусских письменных памятников с беглой или более полной характеристикой их языка.

Первое систематизированное описание старинной белорусской письменности сделал в начале нашего века основоположник белорусской филологии Е. Ф. Карский. Все старобелорусские кириллические памятники он разделил на три разряда: а) грамоты, акты и вообще юридические памятники; б) сочинения светского и даже духовного содержания с преобладающими элементами народной речи; в) духовные сочинения, особенно богослужебные книги, с преобладающим церковнославянским языком². Е. Ф. Карский обратил внимание на большое количество письменных памятников белорусов. «По богатству старого лингвистического материала, — писал он, — западнорусское наречие (белорусский язык. — А. Ж.) занимает первое место вслед за великорусским, по части же старопечатных книг оно даже превосходит последнее»³. Следует, однако, заметить, что старинные белорусские памятники Е. Ф. Карский в соответствии с традициями своего времени рассматривал лишь как источники для изучения живой белорусской речи соответствующей эпохи, а не как достояние литературного белорусского языка.

Длительная история и у вопроса о самом наименовании языка кириллической письменности Великого княжества Литовского. Во всех старинных письменных источниках чаще всего употребляется название «русский языкъ», в отдельных случаях встречаются термины «русский диялектъ» или «простая руская мова». Определение «русский» (именно «русский», а не «русский»!) происходит от этнонима Русь. Это название употреблялось для обозначения территории, которую Русь занимала в древности, когда речь шла о прошлом восточных славян; кроме того, каждая часть прежней единой Руси также именовалась Русью⁴. «Руским языком» назывался язык той части восточнославянского населения, которая входила в состав Великого княжества Литовского. В письмен-

ных источниках он обыкновенно противопоставляется церковнославянскому, польскому, латинскому и греческому языкам, с которыми также приходилось иметь дело образованным кругам тогдашнего общества. Так, например, в привилее 1589 г. записано: «Въ школе тежь братской детей брата уписное и убогихъ сироть языка и письма руского, греческого, латинского и польского накладомъ брацкимъ дармо учити повинны»⁵. Весьма показательно, что уже старинные белорусские книжники четко отличали «русский языкъ» от «словенского» (церковнославянского). На это, в частности, указывают некоторые старинные печатные книги, в которых один и тот же текст помещается параллельно на обоих языках. Именно так, например, было издано известное «Евангелие» В. Тяпинского около 1580 г.

Отсутствию в старобелорусских источниках названия «белорусский язык» можно предложить такое объяснение. Для белорусских книжников не возникала необходимость в названии своего языка отразить его материально-структурную сущность, т. е. подчеркивать его специфику в области фонетики, грамматики и лексики. Для них важно было отличить, противопоставить свой язык церковнославянскому, польскому, латинскому и греческому, которые также использовались в средневековой Белоруссии. Эти задачи вполне удовлетворял термин «русский языкъ» как родной язык населения той части древней Руси, которая входила в состав многонационального Великого княжества Литовского. Поэтому не удивительно, что название «белорусский язык» впервые встречается в русских письменных источниках как стремление их авторов отличить письменный язык родственного народа в соседнем Великом княжестве Литовском от русского языка Московского государства. В этой связи можно напомнить, что и название «Белая Русь», происхождение которого еще не имеет общепризнанного объяснения, также впервые отмечается в иностранных, а не в белорусских источниках.

Название «белорусский язык» одним из первых употребил живший в середине XVII в. в России хорватский филолог Юрий Крижанич, давший, однако, белорусскому языку весьма унизительную характеристику из-за насыщенности его заимствованными словами⁶. К известным в научной литературе фактам можно прибавить и любопытную запись в московской челобитной 1688 г.: «отдала ему верховая бабка Дарья Семенова сына своего Кузьму для учения нотнаго пения и писать по белоруски»⁷.

Более определенную дефиницию старинного белорусского языка дал в 1813 г. известный русский библиограф В. С. Сопиков: «Под именем белорусского языка разумеется наречие живших в Белоруссии и в Польше благочестивых греческого исповедания людей. Монахи, в тех странах жившие до исхода XVII столетия, почти все свои богословские и поучительные сочинения писали сим языком»⁸. Вслед за этим в 1816 г. польский языковед С. Б. Линде, ознакомившись с печатным статутом Великого княжества Литовского 1588 г., назвал язык его белорусским⁹. В XIX в. русские и польские ученые язык ририллической письменности Великого княжества Литовского называли по-разному — белорусским, литовско-русским, кривицким и западнорусским¹⁰. Против названия

«белорусский язык» еще в начале нашего столетия решительно выступал архивариус Виленского центрального архива И. Я. Спрогис, причем главным его аргументом было отсутствие этого термина в старинной письменности. В предисловии к тому XXXVI Актов Виленской археографической комиссии он писал: «Лично, чрез наши руки в длинный период служения в Виленском, центральном архиве прошло не менее полумиллиона документов всевозможных судов и всевозможного содержания, крупного и мелкого; но между ними, ни в раннее, ни в позднее время по 1799 год, мы не встретили ни одного документа, о котором было бы сказано: «писано на белорусском или малорусском языке». Вывод ясный и неотразимый! Значит, не только в древнем русском государственном языке, но и в позднейшей польской речи никогда не было даже упоминания о существовании этих двух языков — белорусского и малорусского... Отсюда ясно, как тяжко погрешают против непоколебимого и неоспоримого свидетельства всех древних юридических актов Великого княжества Литовского те наши современные, новые деятели Северо- и Юго-Западного края, как поляки, так и коренные русские люди, которые усиливаются установить здесь как самостоятельные, независимые два языка — белорусский и малорусский, издают для этого журналы, газеты, книги и разные сочинения»¹¹. В советское время для обозначения письменного языка эпохи Великого княжества Литовского белорусские исследователи пользуются термином «белорусский язык», в украинской научной литературе употребляется название «украинский язык» для памятников, возникших на украинской территории. Однако русские ученые иногда употребляют и термин «западнорусский язык», подразумевая под этим общий белорусско-украинский письменный язык эпохи Великого княжества Литовского.

В прошлом со стороны зарубежных исследователей высказывались также разнообразные, порой курьезные заключения о структурной сущности старобелорусского канцелярско-юридического языка. Общий смысл таких высказываний сводится к отрицанию белорусской народной основы этого языка. Польский исследователь Я. Якубовский утверждал, что старинный канцелярский язык не был идентичным с разговорным белорусским языком: его строение и основные формы всегда оставались церковнославянскими. М. Рудзиньска также считала канцелярский язык Великого княжества Литовского языком церковнославянским, в который лишь вкрапливались особенности народной речи¹². Этот взгляд полностью разделял и французский славист А. Мартель. Канцелярский язык Великого княжества Литовского он характеризовал как язык искусственный, нарочитый и очень далекий от живой народной речи. Основу его составляет старославянский язык (*le slavon*), который из-за отсутствия грамматик и словарей не мог сохраниться в чистом виде и под пером канцелярских писцов подвергся многочисленным изменениям¹³. Новейшей реминисценцией этого взгляда можно считать высказанное литовским исследователем З. Зинкявичюсом пять лет назад утверждение о старославянской основе канцелярского языка Великого княжества Литовского¹⁴.

По-иному объяснил происхождение этого языка русский историк И. И. Лаппо. Он утверждал, что канцелярский язык Великого княжества Литовского — это русский язык, который, оказавшись в иных политических и общественных условиях, чем в Московском государстве, вырабатывал необходимые слова для обозначения соответствующих понятий и обороты для их выражения. Эти слова и обороты не только вырабатывались из собственной основы, но и нередко заимствовались из языков народов, живших вместе с русским народом в государстве Литвы или соседствовавших с ним. Тот же процесс усвоения слов из других языков имел место и по отношению к русскому языку Московской Руси. Но там и общее направление развития жизни, и народы, вносящие свое влияние в дальнейшее формирование языка, были иными. Так развитие русского языка в обоих государствах, в которых он получил государственное-литературное значение, пошло по разным путям, и естественным следствием этого оказалось накопление все больших и больших различий, несмотря на то, что основа была одна и та же ¹⁵.

Все перечисленные исследователи высказывали свои соображения умозрительно, без привлечения и анализа конкретного языкового материала. Можно считать, однако, что мнение И. И. Лаппо ближе к истине с точки зрения генезиса русского и старобелорусского литературных языков: оба языка развились из некогда единого источника — литературного языка Киевской Руси. Однако позднейшее различие между ними недостаточно объяснить лишь разными источниками заимствований: внутреннее, имманентное развитие этих языков имело значительно большее значение для становления их самостоятельного облика, чем различие только в заимствованиях.

Уязвимым местом в заключениях зарубежных ученых о канцелярском языке Великого княжества Литовского является оценка ими этого языка через современный белорусский литературный язык. Действительно, если визуально сравнить старобелорусский текст с современным белорусским, то создается впечатление, что перед исследователем два разных языка. Но такой прием порочен методологически. При этом не принимается во внимание факт, что нынешний белорусский литературный язык ни в какой связи со старым западнорусским литературным языком не стоит ¹⁶. Современный белорусский литературный язык не продолжает традиции языка старобелорусской письменности, он полностью основывается на народных говорах, и поэтому между старым и новым белорусским языком выявляются существенные различия на всех уровнях письменного языка, начиная от графики и кончая лексикой ¹⁷. Графико-орфографическая система старобелорусской письменности существенно отличается от современной белорусской. Старобелорусское письмо основывалось на историко-этимологическом принципе, вследствие чего важнейшие фонетические черты белорусского языка не находили отражения на письме. Этот традиционный принцип характеризует и современное русское письмо. Вследствие этого старобелорусские памятники в отношении орфографии ближе к современному русскому письму, чем к современному белорусскому. Это и вводит в заблуждение некоторых малоосведомленных исследователей, которые склонны не замечать в старин-

ных белорусских памятниках ничего белорусского. Генетическая связь старобелорусской графики со старославянским алфавитом и дает основание некоторым исследователям видеть в старобелорусских памятниках церковнославянский язык.

Между тем, систему языка определяет вовсе не графика и орфография. Разительные примеры расхождений между написанием и произношением дают английский и французский языки, где сохраняются древние традиционные написания. Для определения языковой основы старобелорусских памятников необходимо в первую очередь изучать их грамматику, фразеологию и лексику.

В белорусском языкознании история белорусского литературного языка в качестве самостоятельного раздела выделилась лишь в послевоенное время, естественно поэтому, что многие вопросы исторического развития литературно-письменного языка белорусов остаются недостаточно изученными. По данной проблеме опубликованы лишь две монографии¹⁸ и несколько специальных статей. Однако и на основании этих исследований можно в общих чертах представить основные вехи истории языка белорусской письменности.

В эпоху образования белорусской народности Западная Русь во всем, что касается литературного языка, придерживалась традиций Киевской Руси. В наше время мнение исследователей сводится к убеждению, что в древней Руси существовало литературное двуязычие, которое представляли: 1) церковнославянский литературный язык с двумя типами: а) собственно церковнославянский — язык богослужебной и примыкающей к ней литературы, переведенной или созданной в Болгарии и других славянских странах, которая читалась или переписывалась на Руси; в этом языке имелись восточнославянские напластования, особенно в фонетике и морфологии; б) славяно-русский язык — язык оригинальных произведений, написанных русскими, в которых преобладала церковнославянский субстрат; 2) древнерусский литературный язык также с двумя типами: а) язык деловой письменности и частной переписки с отдельными церковнославянскими вкраплениями; б) язык повествовательной литературы, восточнославянский в своей основе, но с широким использованием церковнославянских средств¹⁹. В этой классификации важно обратить внимание на деловую письменность: она явно противопоставлена письменности на церковнославянском языке. Отсутствие церковнославянизмов в деловой письменности древней Руси неоднократно подчеркивалось исследователями древнерусского литературного языка²⁰.

Эта система письменного двуязычия с некоторой модификацией продолжала существовать и на белорусских землях в эпоху образования белорусской народности. В приведенной выше классификации Е. Ф. Карского старинной белорусской письменности первые два разряда представляют белорусский литературный язык, а третий разряд памятников имеет в основе церковнославянский язык.

Современными исследователями истории белорусского литературного языка старинные письменные памятники с белорусской языковой основой принято делить на три разряда: 1) юридическо-деловые; 2) светско-ху-

дожественные и 3) конфессиональные. Памятники этих разрядов различаются между собой своим назначением, содержанием и системой языковых средств. Ранние памятники еще прочно сохраняют традиции древнерусского литературного языка, особенно в области графики и орфографии. Белорусским книжникам не было необходимости создавать новую собственную азбуку, так как требования письменности успешно удовлетворялись унаследованной от древнерусской эпохи графической системой. В письменности Киевской Руси в орфографии основным был фонетический принцип, при котором каждый звук живой речи на письме обозначался отдельной графемой. Древнерусские орфографические приемы настолько прочно были усвоены белорусскими книжниками, что новые фонетические явления, возникшие в эпоху образования белорусского языка, находили отражение в письменности лишь в виде редких ошибок. В связи с этим намечалось все большее расхождение между написанием и произношением. Так на белорусской почве фонетическое письмо раннего этапа древнерусской эпохи превратилось в историко-этимологическое, которое и сохранялось на протяжении всего старобелорусского периода.

По количеству сохранившегося письменного наследия канцелярско-юридические материалы занимают первое место. Самыми ранними из них являются торговые договоры северных белорусских городов с Ригой и Готландом, а также дарованные грамоты литовских и местных белорусских князей. Известная Договорная грамота смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригой и Готским берегом 1229 г. считается первым письменным памятником, в котором отражены некоторые фонетические черты формирующегося белорусского языка. Затем следуют: Договор неизвестного смоленского князя с Ригой и Готским берегом около 1230 г., Грамота литовского князя Герденя 1264 г., Грамота полоцкого князя Изяслава около 1269 г., Грамота смоленского князя Федора Ростиславича в Ригу 1284 г., Грамота смоленского князя Александра Глебовича в Ригу около 1297 г., Грамота Рижского архиепископа смоленскому князю Федору 1281—1297 гг., Грамота полоцкого епископа Иакова в Ригу около 1300 г., Грамота рижан витебскому князю Михаилу Константиновичу около 1300 г. и др. В настоящее время эти грамоты хранятся в Рижском городском архиве, все они уже давно изданы, некоторые даже по несколько раз²¹.

Белорусская деловая письменность XIV в. также представлена в основном торговыми договорами, договорными, жалованными, купчими, меновыми и присяжными грамотами. Именно эти памятники дают возможность проследить, как древнерусский деловой язык трансформировался в белорусский путем постепенного отражения фонетических, грамматических и лексических черт белорусского языка.

В XV в. деловая письменность на белорусском языке пополнилась новыми жанрами. В первой половине этого столетия на белорусский язык был переведен с латинского оригинала Вислицкий статут 1347 г. В 1468 г. на белорусском языке появился Судебник короля Казимира Ягеллончика. В конце XV в. в практику общественной жизни начали входить так называемые земские книги — собрания официальных запи-

сей о дарованиях и продаже различных владений. Созданные в конце XIV — в течение XV в. в великокняжеской канцелярии важнейшие актовые записи явились основой большого исторического архива, известного под названием Литовской Метрики. Она пополнялась документами до конца XVIII в. и в полном виде имела свыше 550 томов. В состав ее входят разнообразные по форме и содержанию документы, издававшиеся королями, сеймами и правительственными лицами или поступавшие к ним от иноземных правительств, от служебных и частных лиц. Материалы Метрики вплоть до начала XVII в. написаны в большинстве на белорусском языке, позднейшие — на польском и латинском.

Выработанные в XV в. законодательные акты и кодексы позже были оформлены в виде Статута Великого княжества Литовского в трех редакциях — 1529, 1566 и 1588 гг. Статут 1588 г. как важнейший государственный кодекс был напечатан в Вильне в типографии братьев Мамоничей. Он представляет высшую степень развития юридического языка Великого княжества Литовского.

На протяжении XV — первой половины XVII вв. самой распространенной областью использования белорусского языка была деловая письменность, которая создавалась в городских, земских, подкоморских, замковых и копных судах, в декретах сеймов и главного литовского трибунала, в городских управах, магистратах и магдебургиях, при проведении описей войска, ревизий и инвентаризаций имений и других владений, в дипломатической и частной переписке. На белорусском языке писались также документы в королевской канцелярии Кракова и Варшавы, предназначенные для Великого княжества Литовского. Он использовался в канцеляриях и судах на территории этнической Литвы. Актовые материалы литовского происхождения в определенной мере отражают местную литовскую лексику²². Этот «западнорусский язык» в своей деловой разновидности был государственным в Молдавской и Валашской державах²³.

Белорусская языковая основа канцелярско-юридической письменности Великого княжества Литовского в настоящее время не вызывает сомнений. Это убедительно показал около 50 лет назад норвежский славист Хр. Станг, опубликовавший в 1935 г. в Осло на немецком языке специальное исследование об этом языке. Тщательно изучив язык грамот важнейших канцелярий Великого княжества Литовского, исследователь пришел к выводу, что первоначально тут использовалось несколько типов актового языка, которые отличались некоторыми, преимущественно орфографическими и грамматическими особенностями. В северных землях — Полоцкой, Витебской и Смоленской — существовала языковая форма, которая характеризовалась отражением ряда местных особенностей. Такие черты не обнаруживаются в документах, исходящих из канцелярии Витовта. Язык документов Витовта сближается с языком южных (украинских) канцелярий, но не совпадает с ним полностью. Большая часть грамот короля Казимира происходит из белорусских областей, на что указывает их орфография. Во времена короля Александра канцелярский язык становится стабильным, он достигает устойчивой и прочной формы, которая отражается и в других памятниках того вре-

мени. При короле Сигизмунде-Августе южный тип актового языка исчезает полностью. Канцелярский язык Великого княжества Литовского в это и позднее время выступает как язык белорусский, который находится в наиболее близком отношении к белорусским говорам, распространенным вблизи Вильнюса²⁴.

Выводы норвежского слависта имеют особую ценность благодаря тому, что они свободны от эмоционально-патриотических наслоений и оценок, которые иногда проскальзывают в работах белорусских и украинских исследователей. Высказанное в свое время Хр. Стангом утверждение о белорусской основе канцелярского языка Великого княжества Литовского в лингвистической литературе не встретило принципиального аргументированного возражения и до нашего времени остается последним словом науки по этому вопросу. Внесенное позже американским лингвистом Ю. Шерехом уточнение, что основой канцелярского языка Великого княжества Литовского были прежде всего центральные белорусские говоры²⁵, лишь уточняет, детализирует суждение Хр. Станга, но принципиально не подменяет его сущности.

В нашей монографии, опубликованной 15 лет назад и посвященной истории белорусского литературного языка, значительное место отведено и языку старобелорусской и канцелярско-юридической письменности. На конкретном языковом материале, извлеченном из разнообразных деловых памятников, тут по разнообразным показателям в области фонетики, грамматики и лексики показана несомненная белорусская основа языка старинной деловой письменности²⁶.

Исследователи в прошлом иногда указывали на искусственность старобелорусского литературного языка как языка, на котором никто никогда не говорил. В этой связи можно заметить, что искусственным в большей или меньшей степени является каждый литературный, письменный язык. В процессе изучения истории славянских литературных языков исследователями выявлена закономерность, что литературный язык, даже если он основывается на одном каком-либо диалекте, никогда не остается тождественным этому диалекту, а вырабатывает собственные черты в области фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики²⁷. Убедительной иллюстрацией к сказанному и является старобелорусский канцелярско-юридический язык. Выполняя важные государственные и общественные функции, он, естественно, не мог довольствоваться лишь средствами народно-диалектной речи, ограниченной по своим возможностям. Он неизбежно должен был вырабатывать собственные средства, более богатые и разнообразные по сравнению с народной речью. В его разработке принимали участие государственные учреждения и различные должностные лица, осуществлявшие разнообразные функции государственной власти в законодательстве, судах, канцеляриях, войске и т. д. Нельзя не согласиться с утверждением И. И. Лаппо, что государственное значение языка должно быть поставлено рядом с литературным его значением в выработке и превращении его из живого народного говора, разноместного и часто очень несходного, в сильный и развитый государственно-литературный язык, постоянно развивающийся и совершенствующийся,* питающийся притоком различных народных эле-

ментов, вырабатывающий новые слова и термины теоретической и отвлеченной мысли, душевных эмоций, права и администрации, искусства, ремесла и техники, промысла и торговли и делающий это путем переноса или осмысления соответствующих слов и выражений из других языков или выработки своих собственных²⁸.

Следует заметить, что и в современных литературных языках в числе функциональных стилей существует деловой, или официально-документальный стиль. Он очень далек не только от народно-диалектной речи, но даже и от устной формы литературного языка. Этот стиль характеризуется наличием особого запаса лексики и фразеологии, употреблением слов в прямом, номинативном значении, широким использованием клише и штампов, номенклатурных наименований, условных сокращений, сложных союзов, отыменных предлогов, конструкций с отглагольными существительными, номинативных предложений с перечислениями, ограниченностью употребления многих видов односоставных предложений, тенденцией к распространённым предложениям с развитой синтаксической связью, почти полным отсутствием экспрессивных речевых средств, слабой степенью индивидуализации стиля²⁹. Почти все эти признаки можно обнаружить в канцелярско-юридической письменности Великого княжества Литовского.

Такое развитие старобелорусского канцелярско-юридического языка особенно наглядно проявляется в области словарного состава. Специфика лексики юридических памятников состоит в том, что она отражает самые разнообразные стороны общественной, хозяйственной и личной жизни людей. Соответственно этому в памятниках отражены все важнейшие лексико-семантические разряды, начиная от общественно-политической и юридической терминологии и кончая полным перечнем домашнего скота и огородных культур. Например, в Статуте Великого княжества Литовского 1588 г. устанавливаются цены на сельскохозяйственную продукцию, в связи с чем здесь перечисляются такие культуры, как *боб, горох, гречиха, емень, жито, капуста, конопля, лен, мак, морковь, овес, огурки, оркиш, пастернак, просо, пшеница, редька, репа, свекла, сочивица, цибуля, чеснок, ярица* (раздел 13, статья 9). При указании цен на хозяйственные и бытовые предметы перечисляются *гебель, долото, дуга, коса, лейца, пила, свердло, седло, серп, спуст, топор, узда, хомут, шлея*, а также составные номинации: *вожы конопные, вожы лычаные, дровни простые, колеса мужыцкие простые, сани мужыцкие, топор великий скляют, топор беднарский, топор дойлидский, топор сталмаский* (там же, статья 11). В перечне домашнего скота не только указываются общие родовые названия, но приводятся и видовые определения в зависимости от возраста и других признаков и свойств: *баран, вол, кнороз, коза, козень, конь, корова, овца, подсвинок, сверепа, свинья, ягне, яловица, вепр кормный, жеребя лоньское, теля сеголетнее, бык неук, бык стадник, жеребец третяк, козёл четвертак, сверепка третячка, телица третячка* (раздел 13, статья 6). Отдельно указывается «цена птахам домовым», куда относятся *гусь, голубь, каплун, курица, кур, лебедь, павлица, пав, петух, селезень, утка* (там же, статья 7). В хозяйственной жизни средневекового населения важную роль играла охота, которая

проводилась с использованием собак. Поэтому в Статуте в отдельной статье приводится «цена собакам» с детализированным указанием пород: *выжель, курч, узлайник, хорт, щая, набрешник звериный, наследник звериный, пес бобровый, пес домовый, пес меделянский, пес обочный, пес подстрелчий, хорт подсоколий* (там же, статья 12).

Приведенные примеры показывают, во-первых, что основой лексики канцелярско-юридической письменности Великого княжества Литовского был народный белорусский язык (большая часть перечисленных выше номинаций сохраняется в современном белорусском языке). Во-вторых, они выявляют и те словообразовательные модели, которые использовались в народном белорусском языке при образовании видовых терминов в дополнение к родовым названиям. Одной из таких моделей было присоединение к существительному родовой характеристики существительных-приложений: *бык неук, жеребец третяк, топор скглют*. Но наиболее распространенной была модель «существительное + прилагательное» (в большинстве с обратным размещением компонентов): *жеребец лоньское, пес бобровый, топор дойлидский*.

Именно эта модель особенно продуктивно использовалась в канцелярско-юридической письменности при создании специальной юридической терминологии, которой, конечно, не было в народной белорусской речи. В юридических документах, например, широко дифференцированы наименования судов разных инстанций: *суд асессорский, бурмистровский, войтовский, врьдовый, гайный, головный, дворный, духовный, замковый, земский, кгородский, комисарский, копный, королевский, лавничий, належный, подкоморский, полюбовный, посполитый, свецкий, трибунальский*. Непосредственными возбудителями или участниками судебных процессов являлись *сторона болячая, дводовая, жалобная (жалобливая, жалуючая), обвиненая, обжалованая, ображоная, отпорная, поводовая, позваная, противная, сутяжная, укривжоная*. Основанием для возбуждения судебного дела или для оправдания обвиняемой стороны служат разнообразныe документы, которыми регламентировались и взаимоотношения между людьми в повседневной общественной и хозяйственной жизни: *лист баницыйный, веновный, вечистый, врьдовый, вызволеньный, вызнанный, господарский, граничный, баровный, добровольный, дозволенный, докончальный, еднальный, жалованный, железный, завитый, заводчий, закривальный, закупный, заменный, замеренный, записный, заповедный, заручный, заставный, зашитый, кглейтовный, комисарский, комисийный, королевский, купчий, меняльный, местский, опасный, опекальный, отвористый, отправчий, отрочонный, перемирный, писанный, подводный, позовный, потвержонный, привилейный, приповедный, присяжный, продажный, проежджий, ревизорский, реляксацыйный, ремесийный, розводный, слушный, судовый, увяжчий, угодный, умоцованный, универсальный (универсаловый), упоминальный, уступный, фундушный*.

В этом последнем перечне приведены все зафиксированные в старобелорусской письменности XV—XVII вв. сложные канцелярско-юридические термины, в состав которых входит семантический полонизм *лист*. Содержание каждого сложного термина конкретизируется относящимся к слову *лист* прилагательным или причастием. Среди приведенных

определений лишь несколько слов иноязычного происхождения (баницыйный, клейтовный, комисарский, комисийный, привилейный, ревизорский; реляксацыйный, ремисийный, универсальный, фундушный). Но и эти определения не являются непосредственными заимствованиями, они образованы уже на белорусской почве от заимствованных исходных слов типа *баниция*, *кглейт*, *комисар* и т. п. Все же остальные определения (в приведенном списке их около 50) являются белорусскими образованиями на базе общеславянского лексического материала. Все они — продукт активной языкотворческой деятельности писцов канцелярий и судов и других служебных лиц.

Старобелорусская канцелярско-юридическая письменность является такой стилистической разновидностью, где практически как раз и отсутствуют церковнославянские грамматические и лексические средства. В деловой письменности позднейшей эпохи ощутимым выступает пласт полонизмов и латинизмов, которые, однако, не подменяют белорусской языковой основы деловых текстов.

В судопроизводстве Великого княжества Литовского сложилась практика по возможности точно записывать показания тяжущихся сторон. Такое положение позже было закреплено и в Статутах 1566 и 1588 гг., где есть специальные пункты, обязывающие судебных писарей точно вести записи судебных дел. Такая обязанность специально подчеркивалась в присяге, которую обязан был давать писарь при вступлении в свою должность: «присягаю пану богу в тройцы единому на томъ, ижъ справедливе ведля бога и того права писаного и водлугъ мовенья и споров на судех и осветьчэнья судового и сказанья судовные у книги судовые буду уписывати» (Статут 1566 г., раздел 4, статья 1).

Благодаря такому подходу к оформлению судебных дел старинные судебные книги сохранили превосходные образцы живой белорусской народной речи, которая слабо отражена в других жанрах старинной письменности. В качестве примера можно привести запись 1538 г. в Книге Витебского замкового суда 1533—1540 гг., дошедшей в составе Литовской Метрики. Житель города Витебска конюх Ходор Пашков жалуеться в суде на своего обидчика Нерона Лебеда:

«Быль есми у Вильни з мешаниномъ витебскимъ з Демьяномъ Кузминимъ³⁰ Кропивничомъ. А такъ онъ (Нерон Лебедь.— А. Ж.) будучы тамъ в корьчме у Вильни ж, не маючы до мене никоторо[го] дела, безвинные мя збилъ и скрывавиль перьво мя по виденью билъ, а потомъ за попылицу мя рвалъ поколя хотелъ. И кгда мя по виденью бил, я ему хотелъ то стерпети яко старшому, нижли хотел есми тотъ жалъ и бой свой оповедити Демьяну Кузмичу, с которымъ есми до Вильни ездиль. А онъ в тотъ часъ пьянь спалъ и не могъ есми его обудити. И Лебедъ зася почаль мя соромотити, мовячи: «Мужичу! Еще ты хочешъ на мене жаловати? За то я тебе опять буду бити! А я дей почаль мотиви: «Пане Лебедю, не би ты мене большей того, а будешъ ли мя через то бити, на пана его м[и]л[о]сти воеводу нашего витебского заплатишь сто копъ грошей». И онъ дей через тую законьку, которую я ему законьчалъ, жебы мя не билъ, взялъ мя за волосы и почаль скусти, говорачи: «Ото тебе сто копъ грошей! Ото тебе панъ! Отъ тебе другий!» И змордовалъ мя и волосы оборвалъ, и тепер на томъ месте волосы еще не выросли.

«И Лебед, стоячы перед нами, поведиль в тотъ обычай: «Тотъ человекъ Ходор конюхъ на мене жалуеть, ижъ быхъ я его билъ по виденью и скубъ, ино я его и знати мало знаю, нижли правъда есть, былъ есми у Вильни, а такъ седали есмо у корьчме ис тымъ Демьяномъ Кузмичом, мешаниномъ витебскимъ, в которого тотъ конюх

нанялся былъ и ездилъ с нимъ до Вильни. Ино я пилъ пиво, а тотъ Демьянъ пилъ медъ за особьнымъ столомъ. Потомъ пришлоъ тотъ Ходор конюхъ тамъ же до корчмы, и Демьянъ его привитал, далъ ему скляницу меду, потомъ другую и третью. А потомъ почаль ему говорити тотъ жо Демьянъ: «Ходоре, то на тебе новиньщина, первый раз еси тутъ в месте виленьскомъ — купи намъ меду!» И онъ отъказалъ: «Чому, ничего, куплю!» И купилъ намъ меду за два грошы, потомъ аж до десяти грошей. Ино отъ десятого гроша Демьянъ легъ спати, а я ещо зосталъ пити. И шинькарки почали впоминати: «Хто тотъ мед маеть платити?» И я поведилъ: «Тотъ чоловікъ Ходор конюхъ, который казалъ давати медъ, тотъ и заплатитъ»...³¹

При характеристике канцелярско-юридического языка Великого княжества Литовского существенным является вопрос об отношении его к живой разговорной речи различных социальных слоев общества. Основу тогдашнего населения составляло крестьянство, поголовно неграмотное, и его диалектная речь, естественно, была далекой от письменного актового языка с его специфическим синтаксисом, канцелярскими языковыми штампами и книжной юридической терминологией. Что же касается тогдашней интеллигенции и вообще высшего класса, то их повседневная речь в значительной мере носила наддиалектный характер и была, несомненно, близка к той форме, которая применялась в деловой письменности. «Став государственным языком, — писал еще в 1897 г. лучший знаток старинной белорусской письменности Е. Ф. Карский, — западнорусское наречие по необходимости сделалось разговорной речью высшего общества»³². В этом отношении показательной является речь подканцлера Великого княжества Литовского Льва Сапеги, произнесенная им на Варшавском сейме 1588 г. при утверждении Статута третьей редакции. В своей речи подканцлер с гордостью подчеркнул: «Не обчым яким языком, але своимъ власнымъ права списаные маемъ»³³ (Не чужим каким-либо языком, но своим собственным написанные права имеем). Указание образованнейшего государственного деятеля своего времени Льва Сапеги, что Статут 1588 г. написан «своим собственным языком», дает прямой ответ на вопрос, какой язык лежал в основе канцелярско-юридической письменности Великого княжества Литовского. Но речь Сапеги на сейме — это не народно-диалектная белорусская речь, а именно та ее форма, которая закрепилась в канцелярско-юридической письменности и питала ее устно-ораторскую разновидность.

Деловая письменность Великого княжества Литовского на белорусском языке, самая распространенная в XIV—XVII вв., первой начала проявлять симптомы деградации и упадка, которые завершились около середины XVII в. и имели следствием общий упадок письменности на белорусском языке. В сложной политической обстановке середины XVI в. белорусско-литовская шляхта стала влиятельной политической силой, которая с целью укрепления своего политического и экономического положения стремилась к установлению в Великом княжестве Литовском государственных институтов по польскому образцу. Одним из проявлений этих тенденций было проникновение в деловую сферу Белоруссии и Литвы польского языка. Однако это на первых порах наталкивалось на противодействие со стороны части местных аристократических кругов. Именно этими тенденциями следует объяснять тот факт, что уже в Статут 1566 г. был включен специальный пункт об употреблении белорусского

языка в делопроизводстве: «А писарь земский по руску маеть литерами и.слова рускими вси листы и позвы писати, а не иншимъ языкомъ и сло-вы» (раздел 4, статья 1). Этот пункт, позже сохраненный в Статуте 1588 г., обычно рассматривается как свидетельство расширения общественных функций белорусского языка и закрепления его в роли государственного в Великом княжестве Литовском.

Однако с точки зрения общей эволюции языка деловой письменности есть основания расценивать этот пункт Статутов как косвенный показатель начала того процесса, который привел к упадку белорусского письменного языка и замене его польским языком. Белорусский язык в роли государственного в Великом княжестве Литовском выступил уже в конце XIV в. и без каких-либо ограничений выполнял эту функцию до середины XVI в. Эта роль белорусского языка прочно закрепилась практикой, стала традиционной и поэтому не нуждалась в закреплении ее законодательным порядком. Такая необходимость возникла только тогда, когда традиция стала нарушаться и перспектива вытеснения белорусского языка сделалась очевидной.

Исследователи сделали интересные наблюдения над первыми шагами проникновения польского языка в деловую письменность Великого княжества Литовского. В последнем десятилетии XVI в. среди местных аристократов начала распространяться мода в официальных документах на белорусском языке писать свои фамилии в польской транскрипции с добавлением польских оборотов *reka własna* или *reka swa*. В начале XVII в. почти вся высшая знать подписывается по-польски. Дальнейшим шагом этого процесса было проникновение польского языка непосредственно в текст документов. Требование Статута, чтобы документы писались «по руску», юридически продолжало сохранять свою силу на протяжении всего XVII в. Сохранение буквы закона достигалось тем, что в начале и в конце документов писались традиционные формулы на официальном белорусском языке, тогда как основной текст документов писался по-польски. В середине XVII в. некоторое время бытовали документы, написанные на белорусском языке, но снабженные кратким изложением их содержания на польском ³⁴.

Практически же с середины XVII в. канцелярско-юридическим языком как в Белоруссии, так и в Литве стал польский. Известное постановление Варшавского сейма 1696 г. о том, что земский писарь должен «*po polsku, a nie po rusku pisać*», что «*dekreta wszystkie polskim językiem odtąd mają być wydane*» ³⁵, лишь законодательно закрепило положение, которое на практике сложилось на несколько десятилетий раньше.

В истории белорусской письменности значительное место как по количеству известных памятников, так и по разнообразию жанров занимает светско-художественная литература. Этот разряд памятников объединяет оригинальные и переводные произведения, разнообразные по содержанию, форме и языковым особенностям.

Наиболее древним и распространенным жанром этого вида письменности является летопись. В Белоруссии, как и в других частях древней Руси, переписывались летописные изводы древнерусского происхожде-

ния. Они последовательно продолжают традиции древнерусского литературного языка. Однако в Белоруссии рано появляется и собственное, оригинальное летописание; уже в конце XIV—начале XV в. оно составляло важнейшую часть тогдашнего литературного процесса. Но эти летописи сохранились лишь в позднейших списках, из которых Никифоровский, Слуцкий (Уваровский) и Виленский относятся к концу XV в., остальные — к XVI и XVII вв. (Супрасльский, Академический, Красинских, Рачинских, Патриарший, Евреиновский, Быховца и др.).

В ранних летописях еще прочно удерживаются многие архаические языковые черты, поскольку их составители ориентировались на языковые нормы древнерусских летописей. Тут еще обычными являются, например, древние глагольные формы аориста и имперфекта типа *бысть, жда, умре, даша, поидоша, имаху, кладаху*, которые уже давно не употреблялись в живом языке. Архаический облик лексическому составу ранних летописей придают церковнославянские образования типа *азъ, аки, аще, брегъ, глава, злато, ноць, помощь* и т. п. В позднейших летописях на месте таких архаизмов выступают средства белорусского народного языка и все большее распространение получают полонизмы.

Любопытным оказывается факт, что народный белорусский язык более полно отражен в переводных произведениях, которые не были связаны с архаизированными по языку источниками. В Белоруссии в XVI—XVII вв. широкое распространение получили популярные в Западной Европе воинские, рыцарские и любовные романы и повести, из которых до нашего времени сохранились «Александрия», «Троянская история», «Повесть о Тристане», «Повесть о Бове», «Повесть о Скандербеге», «История об Атиле», «Книга о Тундале» и др. Несмотря на разные пути проникновения к белорусскому читателю, все эти памятники объединяются в один разряд системой языковых средств, важнейшую их особенность составляет почти полное отсутствие церковнославянизмов. К памятникам этой группы примыкают переведенные с польских источников разнообразные хроники и хронографы, из которых в настоящее время известно несколько вариантов сокращенных переделок «Хроники всего мира» М. Бельского и «Хроники» М. Стрыйковского.

Выдающейся особенностью старинной белорусской письменности было появление на белорусском языке оригинальных и переводных конфессиональных произведений. Старинная агиографическая и гомилетическая литература дошла до нашего времени в виде многочисленных рукописных сборников. Многие произведения этого рода издавались и тогдашними типографиями, например, «Катехизис» (1585), «Казанье Кирилла» (1596), «Евангелие учительное» (1616), «Беседы Макария» (1627), «История о Варлааме и Иоасафе» (1637), «Дидаскалия (1653) и др. Отдельный жанр религиозно-научных произведений образует полемическая литература, связанная с проведением Брестской церковной унии 1596 г.

Светско-художественная и религиозная литература на белорусском языке в отношении графики, орфографии и морфологии сближается с деловой письменностью, но отличается от нее по синтаксису и в особенности по лексике. В религиозной литературе, связанной с богословско-

философским мировоззрением, присутствуют такие разряды абстрактно-книжной лексики, в которых вовсе не нуждались деловые памятники. Тем не менее, все эти стилистические разряды старинной письменности образуют единую письменно-языковую систему, за которой в белорусском языкознании закрепилось наименование «старобелорусский литературный язык».

¹ Обстоятельное обозрение этих изданий сделано Н. Н. Улашиком в книге «Очерки по археологии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973.

² Карский Е. Ф. Белорусы: Введение к изучению языка и народной словесности. Вильна, 1904, с. 347.

³ Там же, с. 343.

⁴ Halecki O. Litwa, Ruś i Zmudź jako części składowe Wielkiego Księstwa Litewskiego. Kraków, 1916, p. 8.

⁵ Акты, относящиеся к истории Западной России. Спб., 1851, т. 4, с. 23.

⁶ См.: Первольф И. Славяне, их взаимные отношения и связи. Варшава, 1888, т. 2, с. 330.

⁷ Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1963, с. 289.

⁸ Сопиков В. Опыт российской библиографии. Спб., 1813, ч. 1, с. 167.

⁹ Linde S. B. O statucie litewskim ruskim językiem i drukiem wydanym wiadomości. Warszawa, 1816, p. 13.

¹⁰ Обзор литературы по этому вопросу см. в кн.: Карский Е. Ф. Белорусы... с. 405—418.

¹¹ Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Вильна, 1912, т. 36, с. III—IV.

¹² Jakubowski J. Studya nad stosunkami narodowościowymi na Litwie przed Unią Lubelską. Warszawa, 1912, p. 11; Rudzińska M. Charakterystyka języka urzędowego Wielkiego Księstwa Litewskiego.—II Międzynarodowy zjazd sławistów (filologów słowiańskich). Księga referatów. Sekcja I. Językoznawstwo. Warszawa, 1934, p. 100.

¹³ Martel A. La langue polonaise dans les pays ruthènes: Ukraine et Russie Blanche. Lille, 1938, p. 38—44.

¹⁴ Zinkevičius Z. Lietuvių antroponimika. V., 1977, p. 12.

¹⁵ Лаппо И. И. Литовский статут 1588 года. Т. 1. Исследование. Ч. 2.—Каунас, 1936, с. 341.

¹⁶ Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1969, с. 29—30.

¹⁷ См. Жураўскі А. І. Крамко І. І. Важнейшая адрозненні паміж новай і старой беларускай літаратурнай мовай.—В кн.: Беларускае і славянскае мовазнаўства. Мінск, 1972.

¹⁸ Шахун Л. М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы.—Мінск, 1963; Жураўскі А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1967, т. 1.

¹⁹ Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981, с. 259.

²⁰ См., напр., Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953, с. 284—295; Ефимов А. И. История русского литературного языка. М., 1971, с. 33—36; Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980, с. 38—39; Мещерский Н. А. История русского литературного языка. Л., 1981, с. 56—69.

²¹ Список важнейших старинных белорусских грамот и договоров помещен в кн.: Карский Е. Ф. Белорусы..., с. 357—368. Здесь же (с. 350—355) и перечень основных публикаций старого белорусского актового материала.

²² Лексические литуанизмы в старинной актовой письменности показаны К. Яблонским в кн.: Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštinių kalboje. D. 1. Tekstai. K. 1941.

²³ Филин Ф. П. Об истоках русского литературного языка.—ВЯ, 1974, № 3, с. 9.

²⁴ Stang Chr. S. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. Oslo, 1935, p. 14—20, 163.

²⁵ Šerech Y. Problems in the formation of Byelorussian. Supplement to Word.—Journal of the Linguistic Circle of New York, December, 1953, vol. 9, p. 59.

²⁶ Жураўскі А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1967, т. 1, с. 35—59 и 240—263. См. также: Журавский А. И. Деловая письменность в системе старобелорусского литературного языка.— В кн.: Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978, с. 185—191.

²⁷ Auty R. The linguistic revival among the Slavs of the Austrian Empire, 1780—1850; The role of individuals in the codification and acceptance of new literary languages.— The Modern Language Review, 1958, vol. 53, N 3, p. 392.

²⁸ Лаппо И. И. Литовский статут 1588 года..., с. 337—338.

²⁹ Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976, с. 518.

³⁰ В старобелорусских рукописных текстах многие согласные буквы, в конце слов или первые согласные из сочетаний согласных в середине слов писались над строкою. Такие надстрочные буквы иногда имели особое звуковое значение. При издании старинных текстов надстрочные буквы обычно вносятся в строку, но выделяются курсивом.

³¹ Рукопись ЦГАДА, ф. 389, кф. 228, л. 73—74. Для лучшего понимания текста в отрывке проставлены современные знаки препинания и прописные буквы.

³² Карский Е. Ф. Что такое древнее западнорусское наречие? — В кн.: Карский Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1862, с. 258—259.

³³ Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы.— Мінск, 1961, ч. 1, с. 212.

³⁴ Харлампович К. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви. Казань, 1898, с. 206; Martel A. La langue polonaise..., p. 61—65.

³⁵ Volumina legum. Petersburg, 1860, t. 5, p. 418.

DĒL LIETUVOS DIDŽIOSIOS KUNIGAİKŠTYSĖS KANCELIARINĖS KALBOS

A. ŽURAVSKIS

Reziūmė

Dėl Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kanceliarinės kalbos tyrinėtojai iki šiolei nesutaria. Nepagrįsta yra nuomonė, kad jos pagrindas — bažnytinė slavų kalba, kuri be gramatikų ir žodynų negalėjusi išlikti grynų pavidalu, todėl vietinių liaudies tarmių veikiami nuolat kito. Tačiau jau prieš 50 m. norvegų slavistas Ch. Stangas įrodė, jog tai buvo baltarusių kalba, labai artima šiaurės Baltarusijos tarmėms. Turėjusi atlikti svarbias valstybines ir visuomenines funkcijas, ji negalėjo tenkintis vien liaudies kalbos priemonėmis, sukūrė žodžių bei jų derinių, turtingesnių ir įvairesnių nei liaudies kalba. Šią kalbą kūrė valstybinės įstaigos ir įvairios valstybinės valdžios funkcijas įstatymų leidyboje, teismuose, kanceliarijose, kariuomenėje ir kt. vykdę pareigūnai. Kanceliarinės kalbos leksiką, kurios pagrindas — gyva baltarusių kalba, turtino slavų leksikos pagrindu sudaryti naujadarai, lenkų ir lotynų kalbų skoliniai. Taigi kanceliarinė kalba, išsaugodama baltarusišką kamieną, tam tikru mastu tapo dirbtine. Apie XVII a. vidurį ji nustota vartoti — iš svarbiausių visuomeninio gyvenimo sferų ją išstūmė lenkų kalba.